

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'27(571.13-25)

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-41-48

А. А. Юнаковская
Омск, РоссияА. А. Yunakovskaja
Omsk, RussiaПОВСЕДНЕВНЫЕ ГОРОДСКИЕ ЖАНРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ
Г. ОМСКА)EVERYDAY URBAN GENRES
(CASE STUDY OF SPEECH OF
OMSK CITY RESIDENTS)

Аннотация. В статье рассматриваются речевые практики горожан начала XXI в. в неофициальной и полуофициальной сферах.

Для анализа используется ряд основных понятий: показатели повседневной устной разговорной речи, информативный уровень, интерактивность, разговорный жанр.

Анализ собранного материала показал, что при речевом взаимодействии «дома» проявляется модель «говорящий субъект – ситуация – предмет речи – слушающий», «вне дома» преобладает модель «говорящий субъект – ситуация – слушающий».

Для коммуникации в полуофициальной сфере характерно использование «ситуативного диалога» на основе определенной схемы общения, имеющей свое языковое выражение, уменьшение проявления «сильных» показателей разговорности, слабой интерактивности и информативности.

В неофициальной сфере более «свободную» форму имеют «домашние» диалоги и «непринужденные диалоги знакомых», которые отражают «открытое информационное пространство» с разной степенью интерактивности.

Для иллюстрации используются образцы речи жителей г. Омска.

Ключевые слова: повседневное общение, диалог, показатели разговорности, информативность, интерактивность, «свой» – «чужой».

Сведения об авторе: Юнаковская Алла Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания. Профессор РАЕ.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: a.yunakovskaja@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the urban speech practices of the early twenty-first century in unofficial and semi-official spheres.

The following basic terms are offered: indicators of everyday oral colloquial speech, informative level, interactivity, colloquial genre.

The analysis of collected material has shown that at speech interaction "at home" the model «the speaking subject-a situation-a subject of the speech-listening» comes up; at «outdoors» interaction, the model «speaking subject – situation – listener» model prevails.

Use of "situational dialogue" is typical of semi-official sphere of communication which has its own linguistic expression, reduced «strong» indicators of conversationality, weak interactivity and informational content.

In the informal sphere, «home» dialogues and «casual dialogues of acquaintances» which reflect «open information space» with different degree of interactivity have more «free» form.

Speech samples of Omsk residents are used for illustration.

Key words: everyday communication, dialog, indicators colloquial speech, informativity, interactivity, «familiar» – «alien».

About the author: Yunakovskaja Alla Anatolevna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Chair of Russian, Slavic and classical Linguistics. Professor of RANS.

Place of employment: Omsk State University.

В данной работе исходным является положение о том, что «язык – ключевой объект при анализе повседневности во всей ее полноте» [1 : 266]. При этом повседневность понимается как область «усредняемого быта, как стандартизируемое разнообразие речевых и коммуникативных практик, познавательных и поведенческих приемов. По-

вседневность – это сфера не высокого и не низкого бытия, но самодостаточного быта...» [2 : 89].

Выбор аспекта объясняется теоретической и практической причинами. Несмотря на тот факт, что изданная в 2007 г. хрестоматия «Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г.

Омска)» [3] представляет разнообразные «картинки» языкового быта конкретного города, актуальным становится изучение повседневной речи с точки зрения ее порождения, выделение закономерностей создания городских речевых произведений, схем ее создания и оформления в определенный тип текста.

До настоящего времени также остаются мало разработанными основы сбора материала устной разговорной речи (УРР) с точки зрения ее порождения и обретения определенной формы.

Для выбранного аспекта исследования УРР необходимо определиться с понятием «городские повседневные речевые практики», выяснить роль жителей города как коммуникантов в формировании речевого взаимодействия.

Не менее важным является понятие, отражающее результат речевой деятельности, – «текст». В лингвистической литературе к текстам относят не только произведения письменной речи (И. Р. Гальперин, Ю. В. Фоменко), но и конкретное проявление языка (Д. Н. Шмелев), живую речь (М. Н. Яценецкая). Уточняя данное положение, А. Ф. Журавлев отмечает, что «подавляющая часть текстов не пишется, а артикулируется», а текст «не только является вторичным по отношению к устной коммуникации, но и находится на периферии употребления языка» [4 : 85]. Поэтому весьма правомерным является использование понятия «разговорный текст», под которым понимается единица речевой, коммуникативной системы (А. И. Новиков), ориентированная на ситуацию речевой деятельности, определяемая отбором и композицией языковых средств. В результате формируется «сложное целое, созданное по определенным законам» [5 : 1990]. В данном случае следует говорить о жанровой форме или речевом жанре.

Основными характеристиками УРР как речевого потока являются «устность», «неофициальность», «спонтанность», «неподготовленность» и т.п. (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев, О. Б. Сиротина и др.), «диалогичность» (Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский), «тематическая полифония», «политематичность» (Е. А. Земская) («тематическая смесь» (Т. В. Матвеева), «тематическая разноплановость» (Е. Н. Ширяев) и т.п.).

Представленные в русистике подходы к пониманию разговорной речевой деятель-

ности и ее результатов можно расширить, учитывая характеристики «человека говорящего». Одной из них является «категория чуждости» (термин А. Б. Пенковского), отражающая степень «отдаленности» или «близости» коммуникантов («чужой», «чужой свой» (знакомый), «свой свой» (родной), «свой»).

Диалог является основной формой в неофициальной и полуофициальной сферах взаимодействия, что позволяет для его рассмотрения ввести понятие «интерактивность». Оно не является новым, т.к. начинает использоваться в социальной психологии в первой половине XX в. (от англ. *interaction* – взаимодействие). Согласно установке социальная интеракция возникает в результате координации действий взаимодействующих лиц, которые пытаются договориться и упорядочить схемы общения (Р. Сире). В дальнейшем лингвистическое понимание интеракционизма разрабатывали А. Л. Стросс и Э. Гоффман. В русистике данный подход также имел представление. Так, Н. Д. Арутюнова отмечала, что «всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата, что удовлетворение пресуппозиции адресата – одно из важнейших условий эффективности речевого акта...» [6 : 358]. В результате в науке сложилось представление о том, что речь, отражая последовательность высказываний, включается в интерактивный контекст. Для понимания речевого взаимодействия была предложена психолингвистическая модель: говорящий, слушающий, предмет речи (К. Бюлер). В современной лингвистике на ее основе создана «краткая модель» коммуникации («адресант – ситуация – адресат» (Е. Н. Ширяев) и «расширенная» («говорящий субъект – ситуация – предмет речи – слушающий»). При этом степень интерактивности (полная, частичная, неполная, нулевая) определяется «активной» или «пассивной» ответными позициями адресата.

В свое время Т. ванн Дейк интерактивность связывал с информативностью, т.к. при взаимодействии наполняемость реплики также имеет значение, которое определяется количеством получаемой информации, или сведений об окружающей действительности (в т.ч. о социальных объектах). При этом она трактуется в широком смысле (как всё содержание сообщения) и в узком смысле (как новое знание, имеющееся в тексте), а «полностью знакомый и понятый текст считается безынформативным» [7 : 48].

Данный подход является приемлемым. Для более глубокого анализа возможно введение понятия «информационное звено», которое отражает одну единицу информации, которая наряду с другими формирует «информационную цепочку» (термин Т. В. Матвеевой [5]). Она может быть как основной, так и дополнительной. При этом основная цепочка может содержать «имя темы» целого текста и проходить через весь текст, а дополнительные цепочки формируют ряд подтем. Данный подход уже имеет место в русистике (В. Г. Гак, Т. В. Матвеева и др.).

Изучение речевого взаимодействия с точки зрения информативности и интерактивности предполагает учитывать «говорящего» как инициатора и исполнителя текста и «слушающего» как влияющего на развитие диалога. В свое время М. М. Бахтин говорил о необходимости учитывать ответ на речь: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер (хотя степень этой активности может быть различной), всякое понимание чреват ответом и в той или иной степени порождает его, слушающий становится говорящим» [8 : 143]. Поэтому следует согласиться с положением о том, что «включение позиции слушающего в круг исследовательских интересов позволяет обратиться к тем проявлениям языковой динамики, которые находят как бы зеркальное отражение в текстообразующей деятельности слушающего» [9 : 8], что позволяет говорить о полной, частичной, неполной, нулевой интерактивности («обратной связи»).

Итак, сам процесс взаимодействия как способа и средства организации по определенному признаку речевой деятельности горожан попадает под понятие «городские повседневные речевые практики». Они зависят 1) от говорящих и их коммуникативных намерений, предмета речи, ситуации, коммуникативных навыков, 2) от используемых языковых средств и их организации и т.п.

Многолетние наблюдения над разговорной речью жителей г. Омска позволяют выделять в качестве *объекта* исследования «человека говорящего» и его «речевое существование» в городской среде. Результатом речевого взаимодействия горожан является «урботекст» (термин Е. А. Яковлевой), который должен рассматриваться с точки зрения социального и типового проявления. При этом должен учитываться обобщенный характеризованный тип адресата (термин

Н. Д. Голева) и адресанта, формируя пару «типовой автор» текста – «типовой адресат» текста. Они должны быть 1) жителями города, владеющими общерусским языком, 2) представителями различных нейтральных речевых культур: литературной, просторечной, молодежной, интержаргонной (Н. И. Толстой, О. Б. Сиротина, В. Е. Гольдин), 3) носителями обще-апперцепционной и частно-апперцепционной баз (термины Е. Н. Ширяева, Л. П. Якубинского).

В качестве материала изучения использовались записи неконфликтных диалогов жителей г. Омска различного характера в полуофициальных и неофициальной сферах, т.к. в них отражается их речевая деятельность.

Повседневные диалоги: речевой контакт знакомых людей

Субжанр (термин К. Ф. Седова) «семейный (бытовой) диалог»

Под семейным диалогом понимается домашнее взаимодействие совместно проживающих людей, имеющих родственные отношения.

* * * * *

– *Мать, што будем есть?! – Мам'ань! Ужинать будем?*

– *Што найд'ешь, то и будешь. – А как же! (м., 15 л. – ж., 35 л.)*

– *Ед'а-то где? * * **

– *Щас прид'у, м'аленький! – Б'атя! Ну чо, ид'ем?*

Покормлю... (м., 20 – ж., 43 л.) – А'га! Пор'а! (м. 16 л. – м., 45 л.)

* * * * *

– *М'ама, куд'а полож'ила-то?*

– *Здр'асте! М'ама долж'на знать, где тво'и в'ещи?*

– *А кто ещ'е? Все скл'адываешь ст'опочкой и в сво'ю «ч'ерную дыр'у» отправляешь.*

– *Аг'а! Мать оп'ять винов'ата! Посмотр'и в кр'айнем шкаф'у в к'омнате.*

– *Не нашл'а-а-а... В кр'айнем у окн'а 'или у двер'ей?*

– *Пор'а зап'омнить уж'е!*

– *Ну, пож'алуйста...*

– *Ид'и ищ'и сам'а-а-а ... (ж., 17 л. – ж., 53 л.)*

Представлен фатический тип общения «своих своих». Отражено одно «информационное звено» общей «информационной ленты», т.к. обсуждается одна тема, являющаяся частью «непрерывной» семейной коммуникации. В результате взаимодейст-

вия при побуждении-просьбе адресанта возможно как достижение желаемого результата (в первом, втором, третьем диалоге), так и его отсутствие (в четвертом диалоге) (т.н. «скрытый» отказ адресата на просьбу адресанта.) Интерактивность неполная.

В представленных примерах взаимодействие напрямую связано с семейными ролями и поведенческими особенностями членов семьи на основе частно-апперцепционной базы (термин Е. Н. Ширяева).

Субжанр «диалог знакомых лиц»

Знакомый – это человек, известный, встречавшийся прежде.

* * * * *

– Милочка! Ты когд'а сдашь тематическое планирование?

– Завтра, Серг'ей Никол'евич!

– Эх! Тянешь штан'ы за л'ямку!

(м., 55 л., директор школы – ж., 30 л., учитель)

Диалог безыформативный, т.к. информация-требование (вероятнее всего) озвучивалась ранее. Интерактивность слабая и вынужденная. При этом наблюдается доминирование адресанта («своего чужого») над адресатом.

* * * * *

– Ø Где ты отды'ала 'этим л'етом?

– Ø Я 'ездила в Эмир'аты.

– Ну и как?

– Обалд'енно!

– А ты?

– Я 'ездила на Кар'ибские остров'а.

– Ну и ...?

– Спр'ашиваешь! Красот'а неопис'уемая! Жизнь клёвая ст'ала. Ну, предст'авь, р'азве мы могл'и при советской вл'асти мотан'уть туд'а!

– Нет! Об 'этом д'аже мечт'ать не могл'и ... (ж., 35 л. – ж., 40 л.)

Представлен нефатический тип общения «чужого своего».

Информационный диалог репликационного типа на сочетании обще-апперцепционной и частно-апперцепционной баз. Интерактивность полная.

* * * * *

– Слышь, Сем'еновна, говор'ят, вон Над'ежде, с п'ервого этаж'а, оп'ять вн'уков подк'инули. Уж четв'ертый раз на нед'еле!

– Т'очно, Улья'на! Вот гляж'у на их, молод'ых. Так и душ'а разрыв'ается! Не ум'еют жить, как н'адо!

– Ну, што ты всех под одн'у греб'енку-то. В'она Левкины все одн'и с'ами д'елают. И дет'ей дв'оё у них, а кру'тятся!

– Не согл'асна я с тоб'ой, Ден'исовна. Молод'ым ить т'оже п'омощь нужн'а. Ведь в магаз'ине-то всев'о недок'упишься, а есть-пить всем н'адо.

– О-о... пошл'а! Оп'еть в'она х'ахаль на маш'ине.

– Да нет, друг'ой уж'е. Вот вить наст'ырная!

– Вот так'ие – то в ж'изни все и им'еют...

– Л'ешка! Куд'ы ж ты пол'ез? Вот сорван'ец! Разоб'еешься же щас!

– Вот так'ие он'и все! Говор'и им не говор'и, все равн'о по-св'оёму сд'елают, и выраст'ают и так'ими же оста'ются.

– Ой! Ну, вот, мо'и ид'ут. Пошл'а я, гост'ей ведь корм'ить н'адо!

– Дав'ай бег'и! (ж., 70 л. – ж., 80 л.)

(из разговора двух пожилых женщин, проживших по соседству много лет).

Представлен фатический тип общения «своих чужих». Политематический диалог. Обсуждаемые темы, формирующие информационные цепочки, не имеют иерархической структуры, отражают «открытое информационное пространство». Интерактивность неполная, т.к. наряду с диалогическим взаимодействием наблюдается обмен репликами, не имеющий реактивного характера, что формирует «параллельную коммуникацию».

В приведенных «непринужденных диалогах», отражена ситуация «запроса информации» и «удовлетворения» ожидания адресанта. Возможна как монотематичность, воплощенная в одну единицу информации, так политематичность с параллельными информационными цепочками.

Адресат не является пассивным участником разговора, т.к. после интерпретации информации он своими репликами также направляет диалог или отвечает «нужным» действием. Отражается взаимодействие пары «типовой автор» – «типовой адресат» в комфортных условиях со своим видением мира, оценками прошлых событий и окружающего настоящего.

Анализ показал, что в целом отражается тип общения, как с эксплицитной, так и имплицитной *информативностью*, создаваемой в результате координации действий взаимодействующих лиц, которые пытаются обменяться своими знаниями или представлениями известными им способами.

Для данного типа неконфликтного диалогического взаимодействия характерна установка на равноправное сотрудничество (*интерактивность*), которое обеспечивается

наличием общей апперцепционной базы, допускает ее сочетание с частно – апперцепционной базой.

**Повседневные диалоги:
речевой контакт незнакомых людей**

В начале XX века Л. П. Якубинский отмечал, что «крайним случаем диалога является отрывистый и быстрый разговор на какие-нибудь обыденные или деловые темы; для него будут характерны: сравнительно быстрый обмен речью, когда каждый компонент обмена является репликой, и одна реплика в высшей степени обусловлена другой; обмен происходит вне какого-нибудь предварительного обдумывания; компоненты не имеют особой заданности; в построении реплик нет никакой предумышленной связанности, и они в высшей степени кратки» [10 : 118]. Темп современной жизни, многочисленные контакты горожан в течение дня, общение «без лица» формируют подобный тип мини-общения.

Наблюдения показывают, что в современной речи жителей г. Омска выделяется несколько видов диалогов незнакомых людей («чужих»), основными характеристиками которых являются «деловая» тема, «место» и «время» протекания (Л. П. Крысин).

Субжанр «короткие диалоги на рынке»

*****

– Женьщина, све'сьте мне вот 'эту колбас'ину!
– Чев'о? Как'ую копч'еную или по пять дв'ести?
– Одн'у п'алочку. Он'а св'ежая?
– Да! Сев'одня завезл'и.
– Чой-то у не'е вид мне не нр'авится.
– Хор'ошая колб'аска, отбив'айте! (ж., 50 л. – ж., 40 л.)

*****

– Ну, как? Хорош'о?!
– Дама! Што жел'аете?
– Пок'а смотр'ю.
– Да не думайте вы! Вам идет. Не пожал'еете!
– Дай вам бог ст'олько здор'овья. Дайте вон тот...
– Как на вас сид'ит тидж'ак.
– ...кус'очек, кр'айний.
– Вы как б'удто рожден'ы для' этих брюк / Он'и вам так ид'ут / 'Эта 'юбка вас худ'ит (ж., 50 л. – ж., 45 л.) и т.п.

Представлен условно фатический тип коммуникации. «Торговый» диалог, в результате которого наблюдается усвоение адресатом информации, ведущей к дейст-

вию, возникшему на основе успешного суггестивного воздействия. Информативность слабая. Интерактивность «неполная».

Субжанр «короткие диалоги на транспорте»

*****

– Ø Што у нас? – Ø Бил'етки бер'ем?
– Ø Пож'алуйста! – У меня проездн'ой, м'атушка!
(ж., 50-55 л. – м., 65 л.)

*****

– Гр'аждане! Предъяв'ляем – Ø Будьте люб'езны,
проездн'ые бил'еты! перед'айте за про'езд!
– Конд'уктор! Вот! – Ø и т.п.

Представлен слабоинформативный / безыформативный «транспортный» диалог с использованием клише и с «редукцией речевого уровня» в ответной реплике (термин Л. Н. Мурзина). Интерактивность неполная, имеющая в результате языковые или физические действия.

*****

– Шеф! На остан'овке тормозн'и!
– Хорош'о! (м., 35 л.–м., 55 л.)

Типизированный безыформативный микродиалог.

Интерактивность неполная.

Выделен также тип контактирования, при котором на заданный вопрос выдается информация с собственными комментариями и оценками. Например,

– Эй, шеф. Тормоз'и на кольц'е!
– Зач'ем? Хочешь потер'яться в супр'ужеской ж'изни?
– Нет! Пр'осто остан'ови. Н'адо в'ыйти (м, 45 л.– м., 30 л.)

Представлен слабый информативный диалог интенционально – коммуникативного типа. Интерактивность неполная.

Субжанр «устойчивые городские стереотипы»

(Представлено стандартизованное восприятие и отражение окружающей горожанина действительности в воспроизводимых текстах.)

*****

– ØДо Лук'яновки (Ам'ура, – ØКак в'ыехать отс'юда в К'ировск?

*ц'ентра, ЖД и т.п.) до'еду? – На авт'обусе №.../на маршир'утке №...
– Да / нет...*

Типизированный слабоинформативный микродиалог.

Интерактивность неполная.

При данном типе взаимодействия наблюдается «сужение» восприятия субъектом других социальных объектов, а также предметов окружающей его действительности. Это позволяет защищать свое общественное пространство от «чужих». Формируется вопросно-ответное единство на основе двух кратких реплик. Инициатор реализует определенную коммуникативную установку: сообщение, запрос информации, побуждение к определенному действию. Информация чаще всего представлена в «свернутом» виде, что позволяет говорить об одной единице информации (т.н. «информационном звене»). В контексте отражается «типовой автор» – «типовой адресат», что способствует быстрому пониманию и возникновению «отработанного» ответа, действия в результате успешного суггестивного воздействия (неполная интерактивность).

Субжанр «городские микродиалоги»

(Используется при мини-взаимодействии в типизированных текстах.)

* * * * *

– О Не подск'ажете, поликли'ника №4 пр'авильно ид'у...?

– Да! Мож'но зд'есь. Мож'но д'альше. За кр'углое зд'ание (ж., 60 л.–ж., 45 л.).

Информационный микродиалог с вариативностью при вводном и ответном речевых действиях. Полная интерактивность.

* * * * *

– О Не бо'итесь 'ехать с соб'аками (в лифте)?

– Нет! А чев'о бо'яться? (ж., 57 л. – м., 35 л.)

«Скрытый информационный» микродиалог (речевое взаимодействие с эксплицитной диалогичностью, с «вынуждаемой» реакцией (термин М. М. Бахтина [2])). Интерактивность «средняя».

В «коротких диалогах на рынке и на транспорте», «устойчивых городских стереотипах» и «городских микродиалогах» отражается ситуация разового общения, характерная для жителей крупных городов, при котором чаще всего «пропускается» стадия «вступление в речевой контакт». Они имеют репликационный характер. Информация

представляется в «свернутом» виде, что позволяет говорить об одной единице информации, приводящей к пониманию, что позволяет говорить о «средней» / «полной» интерактивности.

Данные виды речевого взаимодействия являются ядром коммуникации горожан «вне дома». Наблюдается нивелировка показателей, характеризующих коммуникантов с точки зрения социального статуса, уровня образования и культуры, профессиональной деятельности, образом жизни и т.п., что подтверждает положение о наличии «типового автора» текста – «типового адресата» текста (термин Н. Д. Голева). В приведенных примерах реализуются типичные коммуникативные ситуации, для которых наблюдается использование конкретных форм речевого поведения (воспроизводимых текстов) и их языкового наполнения. Быстрому пониманию запроса информации и возникновению «отработанного» ответа способствует стереотипность общения и текстовая регулярность. В данном случае можно говорить об определенной схеме общения, имеющей свое языковое выражение. Хотя в ряде случаев может наблюдаться вариативность при ее реализации.

Делая выводы, можно говорить о том, что горожанин, определяя себя в усредненных нейтральных условиях, вступает в языковые отношения со знакомыми и незнакомыми людьми, создает и воспринимает речевые тексты.

При взаимодействии «дома», со «своими» проявляется «расширенная» модель «говорящий субъект – ситуация – предмет речи – слушающий», «вне дома» преобладает «краткая» модель «адресант – ситуация – адресат». Во втором случае компонент «предмет речи» практически отсутствует или представлен в «скрытом виде». При этом категория чуждости является регулятором взаимоотношений и речевого поведения коммуникантов.

В неофициальной сфере более «свободную» форму имеют «домашние» диалоги, «непринужденные диалоги знакомых», которые отражают «открытое информационное пространство» с разной степенью интерактивности.

Для коммуникации в полуофициальной сфере характерна определенная схема общения, имеющая свое языковое выражение, – «ситуативный диалог», уменьшение использования «сильных» показателей разговора, слабой интерактивности и инфор-

мативности. Неофициальной сфере свойственно преобладание «свободной» темы, полуофициальной – «условно заданной» темы и «строго заданной ситуацией» темы.

В городских диалогах отраженная «скрытая информация» имеет разный характер. Это связано с тем, что во взаимодействии знакомых и родных проявляется «информационное звено» общей «информационной ленты», а при «вынужденном» контакте наблюдается «сужение» восприятия социальных объектов для защиты своего общественного пространства, что ведет к использованию типизированного «информационного звена».

Представленный краткий обзор позволяет говорить о том, что «сильные» показатели разговорной речи (спонтанность, неподготовленность, политематичность) не применимы к ряду типических коммуникативных ситуаций горожан и результатам их речевой деятельности, т.к. они обладают прототипической основой и характеризуются монотематичностью.

Краткий обзор показал, что диалог (как способ взаимодействия горожан и как центральный жанр повседневной коммуникации), требует своего дальнейшего теоретического осмысления и разработки практик ее описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевченко Т. С. Роль отечественной онома-топозической парадигмы в истории изучения повседневности // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 65. С. 261–266.
2. Корнев В. В. Проблематизация категории «повседневность» // Известия АГУ. 2008. № 2(58). С. 85–91.
3. Юнаковская А. А. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска). М. : Языки славянских культур, 2007. 168 с.
4. Журавлев А. Ф. Опыт квантитивно-типологического исследования разновидностей устной речи // Разновидности городской устной речи. М. : Наука, 1988. С. 84–150.
5. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1990. 172 с.
6. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.40. № 4. 1981. С. 356–367.

7. Дмитриевская И. В. Текст как система: понимание, сложность, информативность. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 1985. С. 48–88.

8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.

9. Васильева В. В. О слушающем как говорящем // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации. Пермь : Пермский ун-т, 2005. С. 8–14.

10. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. Т. 1. Пг., 1923. С. 17–58.

REFERENCES

1. Shevchenko T. S. Rol' Otechestvennoj onomatopoenicheskoj paradigmy v istorii izucheniya povsednevnosti [The role of Russian onomatopoeic paradigm in the study of the history of everyday life]. *Vestnik of the Stavropol State University* [Herald of the Stavropol State University]. 2009, no. 65, pp. 261–266.
2. Kornev V. V. Problematizacija kategorii «povsednevnost'» [Problematization category of "everyday life"]. *Izvestiya ASU* [News ASU], 2008, no. 2(58), pp. 85–91.
3. Yunakovskaya A. A. Razgovornaya rech nositelej massovoj gorodskoj kultury (na materiale g. Omska) [Informal conversation of carriers of mass city culture (on material of Omsk)]. Moscow, 2007. 168 p.
4. Zhuravlev A. F. Opyt kvantitativno-tipologicheskogo issledovaniya raznovidnostej ustnoj rechi [Experience of quantitative-typological study of varieties of speech]. *Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi* [Variety of urban speech]. Moscow, 1988, pp. 84–150.
5. Matveeva T. V. Funkcional'nye stili v aspekte tekstovykh kategorij [Functional styles in terms of text categories. Synchronous-comparative essay]. Sverdlovsk, 1990, 172 p.
6. Arutyunova N. D. Faktor adresata [Destination factor]. *Izvestiya Vektinik of the AS of the USSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the Academy of Sciences of the USSR. A series of literature and language]. Vol. 40. no. 4. 1981, pp. 356–367.
7. Dmitrevskaja I. V. *Tekst kak sistema: ponimaniye, slozhnost', informativnost'* [Text as a system: understanding the complexity of the information content]. Ivanovo, 1985, pp. 48–88.
8. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Moscow, 1979. 423 p.
9. Vasilieva V. V. O slushayushchem kak govoryashchem [About the listening as talking]. *Problemy funkcionirovaniya yazyka v raznyh sferah rechevoj kommunikatsiji* [Problems of language functioning in various spheres of speech communication]. Perm'. 2005, pp. 8–14.
10. Yakubinskiy L. P. O dialogicheskoy rechi [The dialogical speech]. *Russkaya rech* [Russian speech]. Vol. 1. Pg. 1923, pp. 17–58.

Статья поступила в редакцию 12.10.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Юнаковская А. А. Повседневные городские жанры (на материале речи жителей г. Омска) // *Жанры речи*. 2016. №2. С. 43–50. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-41-48

FOR CITING

Yunakovskaja A. A. Everyday urban genres (on the basis of speech of habitants of the Omsk). *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 43–50. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-41-48 (in Russian).